

А.А. Меликовский

ДЕНИ ДИДРО КАК ФИЛОСОФ ПРАВА

Выходные данные:

*Меликовский А.А. Дени Дидро как философ права // Сборник тезисов.
Международный юридический конгресс студентов «Эпоха права
и высоких технологий» – СПб.: ЛЕМА, 2022. С. 72-77.*

ДЕНИ ДИДРО КАК ФИЛОСОФ ПРАВА

Дени Дидро (1713 – 1784) – французский философ эпохи Просвещения, один из первых светских мыслителей, чье учение сыграло важную роль во всеобщей секуляризации общественной жизни после длительного господства религиозного мирозерцания, дискредитация которого продолжалась на протяжении Средних веков.

Дидро решительно отрицал всякие категории «сути вещей». Его философии, как и учениям Гассенди, Гольбаха, Гельвеция, Ламетри и многих других французский мыслителей XVII – XVIII вв., свойственен материалистический подход. Однако Дидро был убежден в неоднозначности, многомерности, неопределенности всего, существующего и происходящего в мире. Именно поэтому страх упустить какой-либо аспект, не обратить на него внимание или, что было бы для него равнозначным, посмотреть на исследуемый объект только с одной стороны, не позволяет ему следовать исключительно материалистической традиции, что, напротив, показывает нам всю красоту рассуждений мыслителя.

Особенность эпохи, в которой жил и творил Дидро, обусловила исходные религиозно-критические посылки в его трудах. Он искренне не понимает, почему темы религии и правительства относятся к запретным, о которых нельзя писать: «Если истина и справедливость, - считает мыслитель, - могут только выиграть от моего исследования, то смешно воспрещать мне исследовать их. Неужели свободное высказывание своих мыслей о религии нанесет ей более опасный удар, чем запрещение говорить о ней? <...> Если рассуждения независимого ума основательны, то смешно бороться против них; а если они слабы, то смешно их бояться»¹²⁶. Тем самым Дидро предстает перед нами как яркий защитник свободомыслия¹²⁷, исследования которого, по его убеждению, прокладывают дорогу к справедливости.

Нельзя сказать, что Дидро относится к авторам радикального направления: он вполне умерен в своих суждениях. Это, в частности, подтверждается тем, что многие позиции философа были высказаны и раскрыты в полемике с его современником К.А. Гельвецием (1715 – 1771), известным своими утилитарными материалистическими убеждениями, которые в совокупности легли в основу учения И. Бентама и Дж. Милля.

¹²⁶ Дидро Д. Прогулка скептика, или аллеи / пер. И.Б. Румера // Собр. соч. в 10 т. – Т. 1. – М., Л., 1935. – С. 141-142.

¹²⁷ В произведениях Дидро нередко фигурирует вымышленный персонаж Клеобул – свободомыслящий французский философ, образ идеального мыслителя, образец подражания для Дидро.

Между тем Дидро по складу мышления – подлинный скептик: он неуверенный, во всем сомневающийся автор¹²⁸, который не хочет делать каких-либо громких заявлений. Он лишь задает вопросы, на которые даже не пытается дать однозначные ответы. Причем эти вопросы, скорее, методологического характера. Дидро разрушает ими всю сакральность базовых ориентиров мировоззрения среднестатистического постсредневекового европейца, применяя прием, который Дж. Локк назвал *argumentum ad verecundiam* («аргумент к скромности», «апелляция (отсылка) к авторитету»). Так, например, данный прием прослеживается в рассуждениях мыслителя о справедливости: «Я не знаю, - свидетельствует Дидро, - что, собственно, представляют собой эти судьи и священники, авторитет которых направляет <...> поведение <...> являются ли они господами над добром и злом? Могут ли они сделать так, чтобы то, что справедливо, стало несправедливым, а то, что несправедливо, стало справедливым? В состоянии ли они связать добро с вредными поступками, а зло с невинными или полезными поступками?»¹²⁹. Все это, с точки зрения философа, приводит к отрицанию существования как истины, так и лжи, как добра, так и зла, и так далее, всего, кроме непостоянства и зависимости собственных взглядов от позиций авторитетных лиц. «Нет такого доброго дела, - резюмирует автор, - которое нельзя было бы запретить, и такого дурного дела, которое нельзя было бы приказать». В этом смысле, даже идея справедливости, считает философ, может, как и любая другая идея (например, добра, собственности и так далее), служить корыстным интересам, быть извращена настолько, что автоматически перерастет в ее антипод, в чем и заключается основная угроза любой идеи.

Другими словами, даже справедливость (как категория на первый взгляд вечная) Дидро представляется во многом политической, содержание которой напрямую зависит от «авторитета», от «сильного». С этих позиций «справедливость, - как говорит Приор, герой одного из произведений Дидро, - есть великая несправедливость»¹³⁰.

В своих рассуждениях Д. Дидро исходит из того, что люди рождаются либо сильными, либо слабыми. Не выделяя частных случаев, он относит сильного человека к категории менее склонных к справедливости, поскольку справедливость «связывает крепкие руки» сильного человека, «охраняя и

¹²⁸ Это отчетливо видно в постоянных повторениях выражения «мне кажется» в его речи. См., например, как в полустраничном пассаже Дидро четыре раза использует эту конструкцию. См.: Дидро Д. Систематическое опровержение книги Гельвеция «Человек» / пер. П.С. Юшкевича // Собр. соч. в 10 т. / Дени Дидро; под общ. ред. И. К. Луппола. – Т. 2. – М., Л., 1935. – С. 252.

¹²⁹ Дидро Д. Добавление к «Путешествию» Бугенвилля / пер. П.С. Юшкевича // Собр. соч. в 10 т. – Т. 2. – М., Л., 1935. – С. 54-55.

¹³⁰ Дидро Д. Разговор отца с детьми / пер. Г.И. Ярхо // Собр. соч. в 10 т. – Т. 4. – М., Л., 1937. – С. 51.

составляя всю силу» слабого человека¹³¹. В то же время Д. Дидро решительно опровергает понимание Гельвецием силы в качестве разделительного критерия справедливого и несправедливого: «я неспособен, - провозглашает мыслитель, - наслаждаться апологией силы, и я не верю в нее»¹³². Он приверженец мнения, что *utilitas justi prope mater et aequi* (польза – мать правого и справедливого). Тем самым вместо критерия силы он ставит критерий пользы, интереса. Философ убежден, что каждого человека в равной мере тревожат мысли о своем покое, счастье, безопасности, иные идеи и представления, очень близкие к понятию справедливости¹³³.

Дидро уверен, что идеи о справедливом, полезном – категории, которые существовали еще в естественном состоянии. Правда он слабо верит, что существовало время, когда человека можно было «смешать с животным», поскольку справедливость и человек – категории имманентные. Для Дидро человек всегда был и остается человеком, а значит для него изначально присуща идея справедливости¹³⁴. «Если дикарю, - рассуждает мыслитель, - случится взобраться на дерево и сорвать с него плоды, и придет какой-нибудь другой дикарь, который завладеет плодами труда первого, то он убежит со своей добычей»¹³⁵. Он торопится убежать и этим признает несправедливость совершенного им акта, равно как и ограбленный «своим гневом и своим преследованием доказывает, что он обвиняет его в той же самой несправедливости»¹³⁶. Однако отличие между естественным и цивилизованным состоянием заключается в тех средствах, которыми человек (или дикарь) выражает свою оценку справедливому или несправедливому акту. У дикаря, заверяет Дидро, нет слов для обозначения справедливого и несправедливого, он кричит, «но разве его крик лишен смысла? Разве это просто крик животного?»¹³⁷, - задается вопросами философ.

Таким образом, Дидро полагает, что даже в естественном состоянии, «в царстве силы» у дикарей есть некое инстинктивное представление о праве и справедливости, такое же представление, как и о собственности, о достоянии, приобретенном трудом¹³⁸. Причем эти представления дают основу считать, думает Дидро, что между дикарями будет существовать некоторый первобытный закон, характеризующий их поступки, истолкованием, выражением и освящением которого является писанный закон¹³⁹.

¹³¹ Дидро Д. Систематическое опровержение книги Гельвеция «Человек». – С. 229.

¹³² Там же. – С. 252.

¹³³ См.: Там же. – С. 214.

¹³⁴ См.: Там же. – С. 264.

¹³⁵ Там же. – С. 252.

¹³⁶ Там же. – С. 214.

¹³⁷ Там же. – С. 252-253.

¹³⁸ См. Там же. – С. 252.

¹³⁹ См. Там же. – С. 252.

Но писанные законы – законы условные, социальные (в противовес вечному закону природы). Они бывают как справедливыми, так и несправедливыми. В диалоге «Племянник Рамо»¹⁴⁰ устами своего героя Дидро утверждает, что «одни законы – абсолютно справедливые и всеобщие, а другие – несуразные, вошедшие в силу лишь вследствие ослепления или стечения обстоятельств»¹⁴¹. Мыслитель уточняет, что ответственность за нарушение несуразных законов – мимолетный позор, который «со временем падает на судей и народ, оставляя на них несмываемое пятно»: «На ком тяготеет ныне позор, - рассуждает писатель, - на Сократе или на судье, принудившем его осушить чашу с цикутой?»¹⁴². Такие законы, по мысли философа, порочны, так как подавляют собою справедливость и разум¹⁴³.

В другом произведении – «Разговор отца с детьми» – Дидро вкладывает в уста своего героя мысль, что хорошие законы – это законы, созданные природой, представляющие собой «справедливую силу, обеспечивающую их исполнение», способную побороть только злодея, но не порядочного человека¹⁴⁴. Но он снова задается вопросом, а «кто уполномочен устанавливать справедливость или несправедливость»¹⁴⁵ в нашей повседневной жизни, ведь несправедливые законы и ложные принципы губительны для здравого смысла и естественной справедливости¹⁴⁶.

Дидро убежден, что самодержавное правление тирана, хоть и справедливого, просвещенного, всегда губительно. Деспот, по Дидро, - это объем власти, сосредоточенный в одних руках. Чтобы быть деспотом необязательно применять эту власть, достаточно ею обладать. А «управляя по своему произволу, тиран совершает величайшее из преступлений»¹⁴⁷. Для Дидро самодержавие выступает явлением вопиюще несправедливым, от которого страдает народ. «Для народа, - заявляет Дидро, - одним из величайших несчастий были бы два или три последовательных царствования справедливых, кротких, просвещенных, но самодержавных правителей: счастливое управление довело бы народ до полного забвения своих привилегий, до окончательного рабства»¹⁴⁸. Люди, ставшие жертвой такого порабощения, погружаются в сладкий, но смертоносный сон¹⁴⁹.

¹⁴⁰ Дидро Д. Племянник Рамо / пер. Н. Соболевского // Собр. соч. в 10 т. – Т. 4. – М., Л., 1937. – С. 85-199.

¹⁴¹ Там же. – С. 92.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Дидро Д. Принципы нравственной философии, или опыт о достоинстве и добродетели, написанный милордом Ш*** // Сочинения: в 2-х т. Т. 1 / пер. с франц.; сост., ред., вступит. статья и примеч. В.Н. Кузнецова. – М., 1986. – С. 85.

¹⁴⁴ Дидро Д. Разговор отца с детьми. – С. 39.

¹⁴⁵ Там же. – С. 29

¹⁴⁶ Там же. – С. 41-42.

¹⁴⁷ Дидро Д. Систематическое опровержение книги Гельвеция «Человек». – С. 245.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Там же.

Кажется, что Дидро готов опустить руки перед непостижимостью и сложностью философско-правовой проблематики. Например, затрагивая вопросы универсальности справедливости, в «Разговоре философа с женой маршала де***»¹⁵⁰ он высказывает мысль о несоответствии справедливости одного человека справедливости другого. Эти размышления заставляют его еще более усомниться в своих изысканиях. Он решительно упрощает себе задачу: или идея справедливости одинаково применима ко всем, или, как твердит философ: «я не знаю, что это такое»¹⁵¹.

При всей неоднозначности своих позиций Дидро признает справедливость единственной добродетелью¹⁵², фундаментом правовой тематики. Для него справедливость – это концепция третьего пути, лежащего между двумя крайностями; это золотая середина, равновесие всех противоположностей. Скептически рассуждая о воображении Бога слишком добрым или злым, он утверждает, что «справедливость находится посередине между избытком милосердия и жестокостью, как временные кары – между безнаказанностью и вечным наказанием»¹⁵³.

Несмотря на свои в последствии вовсе атеистические убеждения, Дидро не теряет веры в человека. Он остается верным истинной идее справедливости и «мужеству разума», которые позволяют избежать опасности отдать свои силы и свое уважение гнусностям, ужасам и разрушительным идеям¹⁵⁴. Неважно, религия, Бог или друзья призывают поступать бесчеловечно: будьте скептически, сомневайтесь во всем – в этом основной пафос философии Дидро.